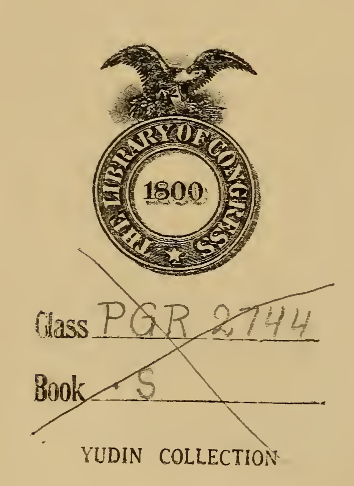
Цѣна 7 коп.

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1871.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Zhukovskiĭ, Vasiliĭ Andreevich.

Skazka o Tsarie Berendie.

СКАЗКА

О ЦАРѢ БЕРЕНДЕѢ, О СЫНѢ ЕГО ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ,

О ХИТРОСТЯХЪ

КОЩЕЯ БЕЗСМЕРТНАГО

И

О ПРЕМУДРОСТИ

МАРЬИ ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ.

СОЧИНЕНІЕ
ВАСИЛІЯ АНДРЕЕВИЧА ЖУКОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.
1871.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 26 мая 1871 г.

СКАЗКА

о Царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея Безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери.

Жилъ былъ Царь Берендей, *до колѣнъ борода.* Ужь три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласьи съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было Царю то прискорбно.
Нужда случилась Царю осмотрѣть свое государство;
Онъ простился съ Царицей и восемь мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяцъ въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; разбили палатку;
Душно стало Царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно . . . . .
Какъ быть, что дѣлать? А плохо приходитъ; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье
Гдѣ нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ колодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него: онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ
Плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ—не тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За янтарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою, то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно виляя и вправо и влѣво,
Только что дразнитъ Царя и никакъ не дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ

Сталъ на мѣсто, хвать его разомъ справа и слѣва—
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка, нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Постой же! (подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя, и, недолго сбираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ утонула
Вся его борода. Напившися вдоволь, поднять онъ
Голову хочетъ . . . . анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ; и кто-то
Царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца,
Силится онъ оторваться, трясетъ, вертитъ головою—
Держатъ его да и только. «Кто тамъ? пустите!» кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина:
Два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда;
Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ смѣется: два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ, межъ зубами
Выставясь, дразнитъ Царя; а въ бороду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ наконецъ сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: «не трудися, Царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мнѣ то, что есть у тебя, и чего ты не знаешь.»
Царь подумалъ: чего жь я не знаю? я, кажется, знаю
Всё! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я согласенъ.
«Ладно!» опять сиповатый послышался голосъ, «смотри же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрека, ни худа.»
Съ этимъ словомъ изчезли клешни; образина пропала.
Честную выручивъ бороду, Царь отряхнулся, какъ гоголь,
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ и всѣ Царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и долго ли, мало ли ѣхалъ,
Только ужь вотъ онъ близко столицы; на встрѣчу толпами
Сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И Царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ палатамъ—
Тамъ Царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ; и съ Царицей
Рядомъ первый министръ: на рукахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку: на ней же младенецъ, прекрасный какъ свѣтлый
Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался и ахнулъ.

«Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты, проклятый
Демонъ, меня!» Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ;
Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца
На руки взявши, Царь Берендей любовался имъ долго,
Самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку, и горе
Скрывъ про себя, по-прежнему царствовать началъ. О тайнѣ
Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ — онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ;
Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью.
Время однако текло, а никто не являлся. Царевичъ
Росъ не по днямъ—по часамъ; и сдѣлался чудо-красавецъ.
Вотъ наконецъ и Царь Берендей о томъ, что случилось,
Вовсе забылъ . . . . . но другіе не такъ забывчивы были.
Разъ Царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую
Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ: вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ, съ бородою зеленой, съ глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иванъ Царевичъ,» сказалъ онъ,
«Долго тебя дожидалися мы; пора бы насъ вспомнить.»
Кто ты? Царевичъ спросилъ.—«Объ этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, Царю Берендею
Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не пора ли,
Царь Берендей, должокъ заплатить? Ужъ давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья.»—И съ этимъ
Словомъ исчезъ бородатый старикъ. Иванъ же Царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ обратно изъ темнаго лѣса.
Вотъ онъ къ отцу своему, Царю Берендею приходитъ.
Батюшка Царь Государь, говоритъ онъ; со мною случилось
Чудо. И онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. «Бѣда, мой сердечный
Другъ, Иванъ Царевичъ!» воскликнулъ онъ, горько заплакавъ.
«Видно, пришло намъ разстаться! . . .» И страшную тайну о данной
Клятвѣ сыну открылъ онъ. Не плачь, не крушися, родитель,
Такъ отвѣчалъ Иванъ Царевичъ; бѣда не велика.
Дай мнѣ коня; я поѣду; а ты меня дожидайся;

Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ,
Даже сама Государыня матушка. Если жъ назадъ я

Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ
Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня.—Снарядили, какъ должно,

Въ путь Ивана Царевича. Далъ ему Царь золотыя
Латы, мечъ и коня воронаго; Царица съ мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали . . . . съ Богомъ! Поѣхалъ
Въ путь Иванъ Царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ? Ужь ѣдетъ
День онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго—солнце
Только успѣло зайти—подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко
Озеро то, какъ стекло; вода наровнѣ съ берегами;
Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сіяньемъ
Воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый
Берегъ и частый тростникъ—и все какъ будто бы дремлетъ;
Воздухъ не вѣетъ; тростинка не тронется; шороха въ струйкахъ
Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ Царевичъ смотритъ, и что же
Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣренькихъ уточекъ подлѣ
Берега плаваютъ: рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль
Слѣзъ Иванъ Царевичъ съ коня; высокой травою
Скрытый, подползъ, и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ тихонько
Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустѣ дожидаться, что будетъ.
Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ . . . .
Вотъ наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ переваломъ
Къ бѣлымъ сорочкамъ, о земь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выдти не смѣя,
Взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ . . . . .
Жалко стало Ивану Царевичу. Вотъ онъ выходитъ
Къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему человѣчьимъ
Голосомъ вслухъ говоритъ: Иванъ Царевичъ, отдай мнѣ
Платье мое, я сама тебѣ пригожуся. Онъ съ нею
Спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку, и скромно
Прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ Царевичъ? Дѣвица
Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ, молода и прекрасна

Такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и краснѣя,
Руку ему подаетъ, и потупивъ стыдливыя очи,
Голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ: благодарствуй,
Добрый Иванъ Царевичъ, за то, что меня ты послушалъ:
Тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но и мною доволенъ
Будешь: я дочь Кощея безсмертнаго, Марья Царевна;

Тридцать насъ у него дочерей молодыхъ. Подземельнымъ
Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужь тебя поджидаетъ
Въ гости и очень сердитъ; но ты не пекись, не заботься,
Сдѣлай лишь то, что я тебѣ присовѣтую. Слушай:
Только завидишь Кощея Царя, упади на колѣна,

Прямо къ нему поползи; затопаетъ онъ—не пугайся;
Станетъ ругаться—не слушай; ползи да и только; что послѣ
Будетъ, увидишь; теперь пора намъ.—И Марья Царевна
Въ землю ударила маленькой ножкой своей; разступилась
Тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное царство спустились.
Видятъ дворецъ Кощея безсмертнаго; высѣченъ былъ онъ
Весь изъ карбункула камня, и ярче небеснаго солнца
Все подъ землей освѣщалъ. Иванъ Царевичъ отважно
Входитъ: Кощей сидитъ на престолѣ въ свѣтлой коронѣ;
Блещутъ глаза какъ два изумруда; руки съ клешнями.
Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣни
Сталъ Иванъ Царевичъ. Кощей же затопалъ; сверкнуло
Страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ закричалъ онъ, что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи Царевны
Вспомня, поползъ на корачкахъ Иванъ Царевичъ къ престолу.
Царь шумитъ, а Царевичъ ползетъ да ползетъ. Напослѣдокъ
Стало Царю и смѣшно: «добро ты, проказникъ, сказалъ онъ,
Если тебѣ удалося меня разсмѣшить, то съ тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просимъ
Къ намъ въ подземельное царство; но знай, за твое ослушанье
Долженъ ты намъ отслужить три службы; сочтемся мы завтра;
Нынѣ ужь поздно; поди.» Тутъ два придворныхъ проворно
Подъ руки взяли Ивана Царевича очень учтиво,
Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились Царевичу въ поясъ, ушли, и остался
Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постелю, и скоро
Сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано по утру
Царь Кощей къ себѣ Ивана Царевича кликнулъ:
«Ну, Иванъ Царевичъ, сказалъ онъ, теперь мы посмотримъ,
Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ построить
Нынѣшней ночью дворецъ: чтобъ кровля была золотая,
Стѣны изъ мрамора, окна хрустальныя, вкругъ регулярный
Садъ и въ саду пруды съ карасями; если построишь
Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нѣтъ, то прошу не пенять . . . . головы не удержишь!»—
Ахъ ты, Кощей окаянный, Иванъ Царевичъ подумалъ,

Вотъ что затѣялъ, смотри пожалуй! Съ тяжелой кручиной
Онъ возвратился къ себѣ, и сидитъ пригорюнясь; ужь вечеръ;
Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку,
Бьется объ стекла—и слышитъ онъ голосъ: впусти! Отворилъ онъ
Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ обернулась
Марьей Царевной. Здравствуй, Иванъ Царевичъ; о чемъ ты
Такъ призадумался?—«Нехотя будешь задумчивъ, сказалъ онъ:
Батюшка твой до моей головы добирается.»—Что же
Сдѣлать рѣшился ты?—«Что? Ничего. Пускай его сниметъ
Голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь.»—
Нѣтъ, мой милый Иванъ Царевичъ, не должно терять намъ
Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе: ложися
Спать; а завтра поранѣе встань; ужь дворецъ твой построенъ
Будетъ; ты жъ только ходи съ молоткомъ, да постукивай въ стѣну.
Такъ все и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, изъ каморки
Вышелъ Иванъ Царевичъ . . . глядитъ, а дворецъ ужь построенъ,
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился;
Вѣрить не хочетъ глазамъ. «Да ты хитрецъ не на шутку,
Такъ онъ сказалъ Ивану Царевичу; вижу, ты ловокъ
На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же ли будешь догадливъ?
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ.
Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты будешь
Три раза мимо пройти, и въ третій мнѣ разъ безъ ошибки
Младшую дочь мою, Марью Царевну, узнать; не узнаешь—
Съ плечъ голова! Поди.»—Ужь выдумалъ, чучела, мудрость,
Думалъ Иванъ Царевичъ, сидя подъ окномъ. Не узнать мнѣ
Марью Царевну . . . какая жъ тутъ трудность?—А трудность такая,
Молвила Марья Царевна, пчелкой влетѣвши, что если
Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всѣхъ насъ
Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лицо; и такое
Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только по платью
Можетъ насъ различать.—«Ну что же мнѣ дѣлать?»—А вотъ что:
Буду я та, у которой на правой щекѣ ты замѣтишь
Мошку. Смотри же, будь остороженъ, вглядись хорошенько,
Сдѣлать ошибку легко. До свиданья.—И пчелка исчезла.

Вотъ на другой день опять Ивана Царевича кличетъ
Царь Кощей. Царевны ужь тутъ, и всѣ въ одинакомъ
Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза. Ну, искусникъ,
Молвилъ Кощей, изволь-ка пройтиться три раза мимо
Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудись указать намъ
Марью Царевну. Пошелъ Иванъ Царевичъ; глядитъ онъ
Въ оба глаза: ужь подлинно сходство! И вотъ онъ проходитъ
Въ первый разъ—мошки нѣтъ; проходитъ въ другой разъ—все мошки
Нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ — крадется мошка,
Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-то подъ нею
Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ трепещущимъ сердцемъ:
«Вотъ она, Марья Царевна! сказалъ онъ Кощею, подавши
Руку красавицѣ съ мошкой.» Э! Э! да тутъ, примѣчаю,
Что-то нечисто, Кощей проворчалъ, на Царевича съ сердцемъ
Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда, узналъ ты
Марью Царевну: но какъ узналъ? Вотъ тутъ-то и хитрость,
Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ намъ пожалуй;
Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на дѣлѣ
Здѣсь покажи: зажгу я соломенку; ты же, покуда
Будетъ горѣть та соломенка, здѣсь, не трогаясь съ мѣста,
Сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво, да только
Знай напередъ: не сошьешь — долой голова; до свиданья.
Золъ возвратился къ себѣ Иванъ Царевичъ, а пчелка
Марья Царевна ужь тамъ. — Отъ чего опять такъ задумчивъ,
Милый Иванъ Царевичъ? спросила она. — «По неволѣ
Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ твой затѣялъ
Новую шутку; шей я ему сапоги съ оторочкой;
Развѣ какой я сапожникъ? Я Царскій сынъ; я не хуже
Родомъ его. Кощей онъ безсмертный! видали мы много
Этихъ безсмертныхъ.»—Иванъ Царевичъ, да что же ты будешь
Дѣлать? — «Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану.
Сниметъ онъ голову—чортъ съ нимъ съ собакой! какая мнѣ нужда!»
—Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь женихъ и невѣста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся,
Или вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать: ужь другаго

Способа нѣтъ.—Такъ сказавъ, на окошко Марья Царевна
Плюнула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ каморки
Вышла она потомъ съ Иваномъ Царевичемъ вмѣстѣ,
Двери ключемъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потомъ, они поднялися и мигомъ
Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство:
То же озеро, низкій берегъ, муравчатый, свѣжій
Лугъ, и, видятъ, по лугу свѣжему бодро гуляетъ
Конь Ивана Царевича. Только почуялъ могучій
Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, заплясалъ и помчался
Прямо къ нему, и примчавшись, какъ вкопанный въ землю,
Сталъ передъ нимъ. Иванъ Царевичъ, не думая долго,
Сѣлъ на коня, Царевна за нимъ, и пустились стрѣлою.
Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ придворныхъ
Слугъ доложить Ивану Царевичу: что-де такъ долго
Мѣшкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходятъ:
Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-за двери имъ слюнки,
Словно какъ самъ Иванъ Царевичъ, отвѣтствуютъ: *буду*.
Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ къ Кощею;
Ждать подождать, Царевичъ нейдетъ; посылаетъ въ другой разъ
Тѣхъ же пословъ разсерженный Кощей, и таже все пѣсня:
Буду; а нѣтъ никого.—Взбѣсился Кощей. «Насмѣхаться
Что ли онъ вздумалъ? Бѣгите же; дверь разломать и въ минуту
За воротъ къ намъ притащить неучтивца!»—Бросились слуги . . . .
Двери разломаны . . . . вотъ тебѣ разъ; никого тамъ, а слюнки
Такъ и хохочутъ. Кощей едва отъ злости не лопнулъ.
Ахъ, онъ, воръ окаянный! люди! люди! скорѣе
Всѣ въ погоню за нимъ! . . . . я всѣхъ перевѣшаю, если
Онъ убѣжитъ! . . . . Помчалась погоня . . . . . Мнѣ слышится топотъ,
Шепчетъ Ивану Царевичу Марья Царевна, прижавшись
Жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня, и припавши
Ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: скачутъ и близко. — Такъ медлить
Нечего, Марья Царевна сказала, и въ ту же минуту
Сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ Царевичъ желѣзнымъ
Мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостикомъ. Быстро погоня

Скачетъ по свѣжему слѣду; но къ рѣчкѣ примчавшися, стали
Въ пень Кощеевы слуги: слѣдъ до мостика видѣнъ;
Далѣ жъ и слѣдъ пропадаетъ, и дѣлится на три дороги.
Нечего дѣлать, назадъ! Воротились разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о ихъ неудачѣ услышавъ.
«Черти! вѣдь мостикъ и рѣчка были они! догадаться
Можно бы вамъ, дуралеямъ! Назадъ! чтобъ былъ непремѣнно
Здѣсь онъ!» . . . Опять помчалась погоня . . . Мнѣ слышится топотъ
Шепчетъ опять Ивану Царевичу Марья Царевна.
Слѣзъ онъ съ сѣдла, и припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей:
Скачутъ и близко. — И въ ту же минуту Марья Царевна
Вмѣстѣ съ Иваномъ Царевичемъ, съ ними и конь ихъ, дремучимъ
Сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тропинокъ, числа нѣтъ;
По лѣсу жъ, кажется, конь съ двумя сѣдоками несется.
Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчалися къ лѣсу;
Видятъ въ лѣсу скакуновъ и пустились въ догонку за ними.
Лѣсъ же раскинулся вплоть до входа въ Кощеево царство.
Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ, да скачетъ;
Кажется, близко; ну только бъ схватить; анъ нѣтъ, не дается.
Глядь! очутились они у входа въ Кощеево царство,
Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ погоню; и скрылось
Все; ни коня, ни дремучаго лѣсу. Съ пустыми руками
Снова явились къ Кощею они. Какъ цѣпная собака,
Началъ метаться Кощей.—«Вотъ я жъ его плута! коня мнѣ!
Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня отвертится!»
Снова Ивану Царевичу Марья Царевна тихонько
Шепчетъ: мнѣ слышится топотъ! и снова онъ ей отвѣчаетъ:
Скачутъ и близко. — Бѣда намъ! вѣдь это Кощей мой родитель
Самъ; но у первой церкви граница его государства;
Далѣе жъ церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ. Подай мнѣ
Крестъ твой съ мощами. — Послушавшись Марьи Царевны, снимаетъ
Съ шеи своей крестъ золотой Иванъ Царевичъ, и въ руки
Ей подаетъ, и въ миниту она обратилася въ церковь,
Онъ въ монаха, а конь въ колокольню,—и въ ту же минуту
Съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ. Не видалъ ли проѣзжихъ,
Старецъ честной? онъ спросилъ у монаха. — Сейчасъ проѣзжали

Здѣсь Иванъ Царевичъ съ Марьей Царевной; входили
Въ церковь они — Святымъ помолились, да мнѣ приказали
Свѣчку поставить за здравье твое и тебѣ поклониться,
Если ко мнѣ ты заѣдешь. — Чтобъ шею сломить имъ проклятымъ!
Крикнулъ Кощей, и, коня повернувъ, какъ безумный, помчался
Съ свитой назадъ, а примчавшись домой, пересѣкъ безпощадно
Всѣхъ до единаго слугъ. Иванъ же Царевичъ съ своею
Марьей Царевной поѣхали далѣ, уже не боясь
Болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ склонялось
Солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ передъ ними
Городъ прекрасный. Ивану Царевичу смерть захотѣлось
Въ этотъ городъ заѣхать. Иванъ Царевичъ, сказала
Марья Царевна, не ѣзди; не даромъ вѣщее сердце
Ноетъ во мнѣ: бѣда приключится. — «Чего ты боишься,
Марья Царевна? Заѣдемъ туда на минуту; посмотримъ
Городъ, потомъ и назадъ.» — Заѣхать нетрудно; да трудно
Выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь
Бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь остороженъ: Царь и Царица и дочь ихъ Царевна
Выдутъ на встрѣчу тебѣ и съ ними прекрасный младенецъ
Будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь
Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ,
Съ горя умру, и умру отъ тебя. Вотъ здѣсь у дороги
Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третій
День не придешь.... но прости, поѣзжай. — И въ городъ поѣхалъ,
Съ нею простяся, Иванъ Царевичъ одинъ. У дороги
Бѣлымъ камнемъ осталася Марья Царевна. Проходитъ
День, проходитъ другой, напослѣдокъ проходитъ и третій —
Нѣтъ Ивана Царевича. Бѣдная Марья Царевна!
Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли
Встрѣтить его и Царь, и Царица, и дочь ихъ Царевна;
Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка,
Живчикъ, глазенки какъ ясныя звѣзды; и бросился прямо
Въ руки Ивану Царевичу; онъ же его красотою
Такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячія щеки
Началъ его цѣловать; и въ эту минуту затмилась

Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ Царевнѣ.
Горе взяло ее. «Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ
Не зачѣмъ болѣ.» И въ то же мгновенье изъ бѣлаго камня
Марья Царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой превратилась.
Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ
Кто нибудь въ землю меня, сказала она, и росинки
Слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали. Дорогой въ то время
Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги увидѣлъ,
Нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно онъ вырылъ
Съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытце
Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ
Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ той самой минуты
Все не по-старому стало въ избушкѣ; чудесное что-то
Начало дѣяться въ ней: проснется старикъ — а въ избушкѣ
Все ужь, какъ надобно, прибрано; нѣтъ нигдѣ ни пылинки.
Въ полдень придетъ онъ домой — а обѣдъ ужь состряпанъ, и чистой
Скатертью столъ ужь накрытъ: садися, и ѣшь на здоровье.
Онъ дивился, не зналъ, что подумать; ему напослѣдокъ
Стало и страшно, и онъ у одной ворожейки старушки
Началъ совѣта просить, что дѣлать. А вотъ что ты сдѣлай,
Такъ отвѣчала ему ворожейка: встань ты до первой
Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и въ оба
Глаза гляди: что начнетъ въ избушкѣ твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой. Что будетъ, увидишь.
Цѣлую ночь на пролетъ старикъ пролежалъ на постелѣ,
Глазъ не смыкая. Заря занялася и стало въ избушкѣ
Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,
Съ тонкаго стебля спорхнулъ, и началъ летать по избушкѣ;
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели
Прянулъ старикъ и накрылъ цвѣточекъ платкомъ, и явилась
Вдругъ предъ глазами его красавица Марья Царевна.
— Что ты сдѣлалъ? сказала она: зачѣмъ возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ Царевичъ прекрасный,
Бросилъ меня, и я имъ забыта. — «Иванъ твой Царевичъ
Женится нынче. Ужь свадебный пиръ приготовленъ, и гости

Съѣхались всѣ.» — Заплакала горько Марья Царевна;
Слезы потомъ отерла; потомъ, въ сарафанъ нарядившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходитъ на царскую кухню;
Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣлыхъ;
Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья Царевна, приближась
Къ старшему повару, съ видомъ умильнымъ и сладкимъ, какъ флейта,
Голосомъ молвила: поваръ, голубчикъ, послушай, позволь мнѣ
Свадебный спечь пирогъ для Ивана Царевича. — Поваръ,
Занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ огрызнуться; но слово
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ
Марью Царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ привѣтливымъ взглядомъ:
Въ добрый часъ, дѣвица красавица; все, что угодно,
Дѣлай; Ивану Царевичу самъ поднесу я пирогъ твой.
Вотъ пирогъ испеченъ; а званые гости, какъ должно,
Всѣ ужь сидятъ за столомъ и пируютъ. Услужливый поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ
Ставитъ на столъ передъ самымъ Иваномъ Царевичемъ; гости
Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку
Срѣзалъ съ него Иванъ Царевичъ—новое чудо!
Сизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходитъ; голубка за нимъ, и воркуетъ:
Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо мнѣ ты забудешь
Такъ, какъ Иванъ Царевичъ забылъ о Марьѣ Царевнѣ!
Ахнулъ Иванъ Царевичъ, то слово голубки услышавъ;
Онъ вскочилъ, какъ безумный, и кинулся въ дверь, а за дверью
Марья Царевна стоитъ ужь и ждетъ. У крыльца же
Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланный, взнузданный, пляшетъ.
Нечего медлить; поѣхалъ Иванъ Царевичъ съ своею
Марьей Царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ пріѣзжаютъ
Въ царство Царя Берендея они. И Царь и Царица
Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго не стали
Думать: честнымъ пиркомъ, да за свадебку; съѣхались гости,
Свадьбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ медъ я и пиво
Пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало. И все тутъ.

Открывъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1870 года книжный магазинъ подъ фирмою «**Ѳ. И. Колесовъ** и **Ф. Г. Михинъ**», въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ № 22, мы позволяемъ себѣ предложить всѣмъ земскимъ управамъ и учебнымъ заведеніямъ наши услуги по высылкѣ книгъ, предметовъ нагляднаго обученія и подпискѣ на журналы.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній съ русскихъ книгъ мы уступаемъ 15% съ объявленной въ каталогахъ цѣны. Исключеніе составляютъ журналы и немногія книги, изданныя Правительствомъ или разными учрежденіями съ благотворительною цѣлью: эти книги обыкновенно продаются безъ всякой уступки. Число таковыхъ книгъ весьма, впрочемъ, невелико. Уступая 15% съ объявленныхъ цѣнъ, мы относимъ затѣмъ пересылку на счетъ выписывающаго. При единовременномъ значительномъ требованіи отправка книгъ можетъ быть произведена чрезъ конторы транспортовъ. Въ этомъ случаѣ расходы на пересылку весьма не велики.

Наша двадцатилѣтняя опытность по веденію книжнаго дѣла въ одной изъ извѣстнѣйшихъ Петербургскихъ книжныхъ фирмъ можетъ, по нашему мнѣнію, служить достаточнымъ ручательствомъ въ знаніи нами потребностей читающей публики.

Не лишнимъ считаемъ при этомъ прибавить, что магазинъ нашъ снабжается весьма аккуратно всѣми вновь выходящими книгами; что же касается до аккуратности въ исполненіяхъ требованій, то, не смотря на нашу недавнюю самостоятельную дѣятельность, мы уже имѣемъ нѣсколько весьма лестныхъ отзывовъ отъ нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденій.

При нашемъ магазинѣ имѣется полный выборъ игръ Фребеля и его послѣдователей, издаваемыхъ фирмой Фоссъ (Ю. И. Симашко).

КОЛЕСОВЪ и МИХИНЪ.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ

(Н. Фанъ-деръ-Флита и А. Кочетова).

2. Сорочинская ярмарка или похожденіе красной свитки. **Н. В. Гоголя** . . . . 10 к.
3. Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ? Ссудо-сберегательныя товарищества . . . . 5 „
5. Царь Берендей. **В. А. Жуковскаго** . . . . 7 „
7. Первый винокуръ. **А. Ѳ. Погоскаго** . . . . 8 „

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. Житіе преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ чудотворцевъ.
4. Спящая Царевна. **В. А. Жуковскаго.**
6. Прохожій. Святочный разсказъ. **Д. В. Григоровича.**
8. Анчутка-безпятый. **А. Ѳ. Погоскаго.**

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

